

дами, несомненно, были годы 1954—1955, так как с этого времени начинается серьезная активизация диалектологических исследований. Если в первые послевоенные годы почти вся научная деятельность сводилась в основном к обработке предвоенных материалов, то около 1953—1954 гг. начинается новый период экспедиционной работы, собирание новых данных. Это изменение находится в прямой связи с созданием ПАН, которой принадлежит решающая роль в диалектологических исследованиях (ведь именно возникновение ПАН определило возможность коллективной работы в отличие от предшествующего периода, когда все изыскания проводились прежде всего индивидуально). Немаловажную роль сыграли здесь общий подъем интереса к языкознанию и значительная финансовая помощь. Другим серьезным фактором было воспитание многочисленных молодых научных кадров, вполне подготовленных к трудным условиям экспедиционной работы и способных к самостоятельной обработке собранного материала.

Благодаря этим двум обстоятельствам

польская диалектология могла отважиться на выполнение трудов такого ранга, как «Малый атлас польских говоров», «Словарь польских диалектов», как упомянутые выше многочисленные коллективные работы большого географического охвата и большой научной значимости. Недостаточно развиваются пока еще исследования диалектов других славянских языков, хотя в настоящее время и в этой области виден уже значительный прогресс. В целом представленное здесь развитие польской диалектологии свидетельствует о большой жизненности этой области лингвистики, показывает многостороннюю тематику работ, высокую степень методологической подготовки, тесную связь этих исследований с историей. Настоящая статья охватывает, естественно, не все труды, но даже этот фрагментарный библиографический материал, выделяя самое главное, достаточно ярко демонстрирует направление исследований и достигнутые успехи.

М. Карась

Перевела с польского Т. С. Тихомирова

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА ДАРИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИРАНСКИХ УЧЕНЫХ *

Язык дари в качестве литературного языка, как известно, был широко распространен в Средней Азии и Иране с конца IX в. до начала XVI в. В результате дальнейшего развития дари в настоящее время можно считать продолжает свое существование в виде трех весьма близких к нему литературных языков — таджикского в Таджикистане, персидского в Иране и языка фарси («кабули») в Афганистане.

Для уяснения проблемы языка дари не сделано еще самого главного: не изучены в должной мере дари и его «потомки», не исследован язык наиболее древних памятников дари, свободных от искажений и неточностей, допущенных переписчиками; не проведено фронтальное обследование диалектов восточного Ирана, Таджикистана и северо-западной части Афганистана. Мы уже не говорим о том, что для решения проблемы дари крайне необходимы сведения из других наук — истории, этнографии, географии и т. д. Ввиду неразработанности материала всякая постановка проблемы дари на современном этапе развития лингвистики неизбежно приобретает не столько лингвистический, сколько историко-филологический характер в широком смысле слова (см. появившиеся за последние 20—30 лет работы, прямо или косвенно затрагивающие интересующий нас вопрос).

* Публикуя обзор Л. С. Пейсикова, где излагается выдвинутая М. Бехаром и разрабатываемая в трудах ряда современных иранских ученых концепция, отрицающая теорию о проникновении языка дари с юга-запада Ирана на восток, редакция предполагает продолжить обсуждение проблемы возникновения и развития языка дари и тем самым осветить и другие точки зрения на рассматриваемую проблему. — *Ред.*

Тем не менее сложившееся историко-филологическое направление в изучении проблемы языка дари привело к положительным результатам. Главным из них следует считать новую складывающуюся концепцию происхождения и развития языка дари. Эта концепция ставит под сомнение традиционную концепцию движения дари с юго-запада на восток (Т. Нёльдеке) или экспансии персидского языка на восток по путям арабских завоеваний (А. А. Фрейман) ¹. Определенная заслуга в разработке проблемы дари принадлежит современным иранским филологам. Сделаны уже некоторые ценные выводы, хотя часто они высказываются предположительно и не носят характера широких обобщений. Иногда же эти выводы слишком прямолинейны и преждевременны. Например, в предисловии к «Грамматике персидского языка для четырех классов средних школ», написанной пятью видными филологами — М. Бехаром, А. Карибом, Б. Форузанфаром, Дж. Хомай и Р. Ясеми, имеется следующее краткое заключение по поводу языка дари и времени его распространения: «Персидский дари (фарси-йе дари) был языком, на котором говорили в эпоху династии Сасанидов царский двор и жители Медана — столицы государства, и языком большинства жителей Хорасана и восточного Ирана был также фарси-йе дари... На этом языке после введения ислама писали свои стихи Рудаки, Фирдоуси, Онсори, Фаррохи...

¹ См. об этом стр. 124. Впервые критика традиционной концепции прозвучала в статье Е. Э. Бертельса «Персидский — дари — таджикский» («Сов. этнография», 1950, № 4), мотивировочная часть которой базируется на материалах работ М. Бехара.

Официальным и придворным языком сасанидского периода был фарси-йе дәри².

Последующий критический обзор некоторых работ иранских ученых³ свидетельствует о преждевременности и поспешности такого вывода.

*

Многоязычие и языковая раздробленность — наиболее типичная в лингвистическом отношении черта Ирана и Средней Азии в заключительный период господства Сасанидов. Арабское нашествие, положившее конец Сасанидской империи, не внесло существенных изменений в «лингвистическую карту» Ирана и Мавераннахра, за исключением того, что в государственных канцеляриях стал насаждаться насильственным путем арабский язык, результаты влияния которого сказались значительно позже. З. Сафа по этому поводу пишет: «В период нашествия мусульман в Иран официальным, литературным, политическим и религиозным языком был тот, который известен как „южный пехлеви“, „сасанидский пехлеви“ или „персидский пехлеви“. В противовес установившемуся ранее мнению, с победой арабов этот язык не был сразу вытеснен и был распространен еще в течение нескольких столетий»⁴.

Об употреблении языка пехлеви в этот период свидетельствуют высказывания ученых (ибн аль-Мукаффы Якута, Истахри, Мукаддаси и др.), а также появление в раннюю эпоху ислама некоторых пехлевийских книг (Денкарт, Бундахиши, Артавираф-намак, Матикан Чатранг и др.); о знакомстве многих иранцев с языком пехлеви говорит и интенсивная работа по переводу пехлевийских книг на язык дари, продолжавшаяся до конца XIII в.

Существование южного пехлеви (среднеперсидского языка) после введения ислама ни в коей мере, однако, не свидетельствует о его распространенности⁵. По вопросу

² «Дәстур-е забан-е фарси бәрайе салһа-йе әввāl вā доввом вā севвом вā чāһаром-е дәбїрестанһа», Тегеран, т. 1, 1949, стр. 2—3.

³ М. Бехар, Сабкшенаси йа тарих-е тātāvвор-е нāср-е фарси (Учение о стилях, или история развития персидской прозы), Тегеран, т. 1 — 1943, т. 2 — 1944, т. 3 — 1945; егo же, Хātт вā забан-е пāһлāви дār āср-е Фердоуси (Пехлевийский язык и письменность в эпоху Фирдоуси), сб. «Фердоуси-наме», Тегеран, 1937; егo же, Ше'р дār Иран (Поэзия в Иране), Мешхед — Тегеран, 1954; егo же, Тарих-е тātāvвор-е ше'р-е фарси (История развития персидской поэзии), Тегеран, 1956; З. С а ф а, Тарих-е әдбїйāt дār Иран (История литературы в Иране), т. 1, Тегеран, 1954; егo же, Мохтāсрї дār тарих-е тātāvвол-е нāзм о нāср-е фарси (Краткие сведения об истории развития персидской поэзии и прозы), Тегеран, 1956; егo же, һāмасесāраи дār Иран (Эпос в Иране), Тегеран, 1946.

⁴ З. С а ф а, История литературы в Иране, т. 1, стр. 117.

о степени распространенности пехлеви в тот период и о его книжно-религиозном характере среди иранских ученых, по-видимому, нет разногласий. Ссылаясь на слова ибн аль-Мукаффы, ибн ан-Надима, Истахри, Якута и других средневековых авторов, М. Бехар ограничивает сферу распространения южного пехлеви только областями, носившими общее название Фахле (Пахле)⁶, и средой магов-зороастрийцев, для которых пехлеви оставался языком разговорным. Пехлеви, пишет М. Бехар, «еще понимался в центральном Иране, Фарсе и западных областях, а в Хорасане был распространен дари, и население Хорасана не понимало языка пехлеви»⁷. Существует предположение, что пехлеви оставался книжным и религиозным языком еще и при Сасанидах. После арабского нашествия и распространения ислама книжно-религиозный пехлеви постепенно начинает упраздняться, и «язык дари, побеждая пехлеви, распространяется из восточного Ирана на запад, север и юг страны»⁸.

Для определения наличия языков и диалектов в период, предшествующий арабским завоеваниям, а также непосредственно после введения ислама, большое значение имеют слова ибн аль-Мукаффы, пересказанные и повторенные с небольшими изменениями ибн ан-Надимом в книге «Аль-фихрист» (пересказ этих слов имеется и у историка Якута в его словаре «Му'джам аль-булдан»): «... персидские языки (лугат аль-фарсийа) суть следующие: пехлеви, дари, фарси, хузи и суриани. Пехлеви относится к Фахле. Фахле служит общим названием пяти городов (областей?) — Л. П.): Исфагана, Рея, Мах-Нехавенда, Хамадана и Азербайджана. Дари является языком городов Медана, на нем говорили при царском дворе, и относится он к людям двора, и слова жителей Хорасана и востока и жителей Балха в нем преобладают. Фарси — это язык служителей культа, ученых и им подобных, а также жителей Фарса. Хузи — это язык, на котором говорят цари, аристократы и приближенные царя в уединенных местах, во время игр и развлечений. Суриани — это язык, на котором говорят жители Севада»⁹.

Этот перечень, конечно, не исчерпывает средневекового многоязычия иранского мира. Как известно, в ту эпоху существовали согдийский язык в Согде, хорезмийский —

⁵ Об ограниченной употребляемости пехлеви может свидетельствовать уже тот факт, что многим деятелям литературы раннего ислама пехлеви с его сложной графикой был труден для понимания.

⁶ Область Пахле, как сообщают историки и географы, включала районы Исфагана, Рея, Хамадана, Нехавенда и Азербайджана. Бируни в своем «Аль-асар аль-бакиййа» подтверждает значение слова «Пахле».

⁷ М. Бехар, Пехлевийский язык и письменность в эпоху Фирдоуси, стр. 86.

⁸ Егo же, Учение о стилях..., т. 2, стр. 3.

⁹ Цитируется по кн.: М. Бехар, Учение о стилях..., т. 1, стр. 26—27.

в Хорезме, тохарский — в Тохаристане. На севере были распространены диалекты гили, табари, а также диалекты Гумаса и Джорджана, которые, по свидетельству путешественника и географа Мукаддаси, были очень близки друг к другу (эти диалекты и по сей день бытуют в районах Семнана, Шахруда, Дамгана, Горгана). В сочинениях историков и географов («Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» Мукаддаси, «Месалик аль-мемалик» Истахри, «Сурат аль-акалим» Балхи и др.) находим и другие ценные сведения по диалектологии иранского средневековья. Так, в этих сочинениях упоминаются и кратко характеризуются еще такие диалекты, как рази (рейский), азерб., эрани, кермани, хамадани, курдский, лурский и др.

Чем объяснить, что ибн аль-Мукаффа, Якут и другие говорят лишь о пяти «персидских» языках, не упоминая многочисленных других языков и диалектов? Можно предположить, что, зная о существовании согдийского, хорезмийского и других иранских языков, ибн аль-Мукаффа или принимал их за диалекты, или же не считал их принадлежащими к группе «персидских» языков («лугат аль-фарсиййа»), хотя кажется довольно странным включение языка суряни, относящегося к семитской группе, в число «персидских». По мнению же М. Бехара, средневековые ученые не знали о существовании других иранских языков, «не выезжали за пределы Медаяна, Фарса, Ирана и Хузистана» и потому упоминали о языках только этих областей¹⁰.

*

Генезис языка дари в его отношении к среднеиранским языкам и диалектам представляет собой одну из труднейших проблем иранского языкознания. Немалая доля заслуги в ее разработке принадлежит иранским ученым.

Основываясь на многочисленных высказываниях и свидетельствах древних авторов о дари, иранские филологи принимают в качестве вполне доказанных положений следующие: а) язык дари был разговорным, а затем и литературным языком восточного Ирана, Хорасана, Балха, Бухары и т. д.; б) дари, будучи первоначально разговорным языком, не был единым для восточного Ирана и Средней Азии, он распадался на диалекты и говоры; в) термин «дари» происходит от слова *дар* «двор, царский двор». Предположительно, хотя и с большой долей уверенности, иранские ученые принимают еще следующие два положения, касающиеся генезиса языка дари и степени его распространенности: а) дари был разговорным языком сасанидской столицы Ктесифона и б) основой языка дари служит язык парфянский, т. е. так называемый северный пехлеви.

По вопросу об этимологии *дари* в настоящее время уже нет разногласий, хотя некоторые аспекты этимологии выяснены недостаточно. Всеми признается, что *дари* означает «дворцовый», «относящийся ко

двору». З. Сафа по поводу этимологии *дари* пишет: «Когда в эпоху ислама употребляются термин «дари», то имеют в виду литературный язык восточной и северо-восточной части древнего Ирана (Иран-е коһан). Причина заключается в том, что иранские династии в исламский период первоначально происходили из этих районов, и поскольку языком, избранным этими шахскими дворами, был восточный диалект, т. е. местный диалект, понятный правителям этих районов и служащим государственных канцелярий, то его называли языком дари. Всякая другая этимология является искусственной и не представляет ценности»¹¹.

В подтверждение З. Сафа приводит указание Мукаддаси из «Ахсан ат-такасим...» относительно языка дари: «Его потому называют дари, что на нем пишутся письма царей и прошения на имя царей, и происходит он от слова *дар*, что означает «двор». Другими словами, дари — это язык обитателей шахского двора»¹².

Термин «дари» в тот период, когда обозначаемый им язык стал литературным, был равнозначен терминам «парси-йе дари», «парси», «фарси», которые употреблялись как ближайшие синонимы¹³.

В этимологии и толковании слова *дари* остается один неясный момент, заключающийся в соотношении общего значения и отдельных значений. Именуется ли словом *дари* всякий придворный язык, независимо от его происхождения и качества, или же дари следует понимать как определенный придворный язык восточного происхождения, а следовательно, тождественный тому дари, на котором говорило население Хорасана, Мавераннахра, Балха? Когда ибн аль-Мукаффа и другие ученые заявляют, что разговорным языком сасанидского двора в Медане был дари, то остается неясным, употребляется в этом случае термин «дари» в его общем или частном, отдельном значении. Лишь на основании утверждения ибн аль-Мукаффы о том, что в языке дари сасанидского Медаяна преобладают слова жителей Хорасана, Балха и других восточных районов, можно предположить, что дари Ктесифона и восточный дари — это одно и то же.

Высказывая это предположение, З. Сафа ставит естественный вопрос: каким образом восточный дари стал на западе страны разговорным языком Медаяна? На этот трудный вопрос, говорит З. Сафа, можно дать два ответа: «Возможно, что причина наименования разговорного языка Медаяна словом *дари* заключена именно в том, что на нем говорил царский двор Сасани-

¹¹ З. С а ф а, История литературы в Иране, т. 1, стр. 140.

¹² Там же, стр. 139.

¹³ Проф. М. Моин собрал большое количество отрывков из произведений средневековых авторов, обильно подтверждающих смысловое тождество этих наименований; см. предисловие М. Моина к изданному под его редакцией словарю «Борһан-е гате» (т. I, Тегеран, 1951).

¹⁰ М. Б е х а р, Учение о стилях..., 1, стр. 28.

дов, а не в том, что этот язык — тот самый восточный диалект, который впоследствии стали называть дари, или, может быть, язык Медина — это тот язык, который стал распространенным (мотадавел шоде) в Ктесифоне с Аршакидской эпохи вследствие господства восточного племени парсав (parṣav-), сохранился в Сасанидскую эпоху и стал употребляться не как язык официальный и письменный, а как язык разговорный¹⁴. Дальнейшие рассуждения З. Сафы показывают, что он склоняется больше в сторону второго ответа на поставленный выше вопрос. Авторы же упомянутой нормативной грамматики прямо заявляют, что восточный дари и дари Ктесифона — это одно и то же. Таким образом, попытка доказать равнозначность понятий «дари Медина» и «восточный дари» осуществляется лишь логическим путем, и тем самым проблема общего и отдельного в значении слова *дари* неправомерно снимается. Ясно, что логические заключения здесь далеко не достаточны.

М. Бехар пытается более подробно доказать, что язык дари действительно был распространен в восточных областях и в Ктесифоне в период, предшествовавший арабским завоеваниям, и, следовательно, что южный пехлеви и дари сосуществовали. М. Бехар приводит ряд прямых и косвенных доказательств в подтверждение высказанного ибн аль-Мукаффи и другими авторами положения. Вот главные из них: 1) большинство персидских цитат в арабских сочинениях (Джахиза, ибн Кутейбы и др.), посвященных Сасанидской эпохе, представляют собой фразы на дари, а не на пехлеви¹⁵; 2) наиболее ранние дошедшие до нас произведения поэзии и прозы написаны в восточной части страны на языке дари. Появление памятников литературы (поэтические отрывки Ханзале Багдиса, Мухаммеда Васифа и др., а также произведения Рудаки, Фирдоуси, Балъами, Абу ль-Муаййада и др.) свидетельствует о том, что дари был языком населения Хорасана, Мавераннахра, Нимроза, Заболестана; 3) на западе Ирана в этот период произведений на дари не засвидетельствовано. Все исторические факты говорят о том, что дари как литературный язык стал впоследствии распространяться с востока на запад, где он полностью вытеснил как арабский язык, так и южный пехлеви. В конце саманидского и в начале газневидского и сельджукского периодов постепенно след за завоеваниями дари окончательно закрепился во всем Иране в качестве всеобщего литературного языка¹⁶; 4) фонетика и лексика современных языков и диалектов могут подтвердить слова ибн аль-Мукаффи. Так, произношение слов в деревнях Хорасана, Афганистана, Бухары, Таджикистана, заявляет М. Бе-

хар, служит ярким примером способа произношения на языке дари, между тем как в центральных и юго-западных диалектах Фарса, Исфагана, Нехаенда имеется большое количество слов, оставшихся от языка пехлеви или сохранивших южнопехлевийское произношение.

Этот последний пункт в системе аргументов М. Бехара свидетельствует о том, что М. Бехар пытался обосновать положение о распространенности дари на востоке и в Медане и о сосуществовании дари с южным пехлеви путем обращения к живым иранским диалектам и говорам. Во многих своих работах М. Бехар с сожалением отмечает, что до сих пор почти совсем не изучены диалекты Ирана, детальное обследование которых могло бы дать бесспорные данные о генезисе языка дари, о его взаимоотношениях со среднеперсидскими языками и диалектами, о степени его распространенности и т. д.

Значение доказательств, приводимых М. Бехаром, естественно, не следует преувеличивать. На основании этих доказательств мы можем лишь предположить, что язык дари в качестве разговорного был распространен еще в сасанидский период и, в частности, был употребителен в столице многодиалектного Сасанидского государства и что этот дари тождествен восточному дари, «который стал распространенным в Ктесифоне с Аршакидской эпохи вследствие господства восточного племени парсав (parṣav-)... и стал употребляться как язык разговорный»¹⁷. Все это показывает, насколько преждевременен вывод авторов нормативной грамматики о том, что «официальным и придворным языком сасанидского периода был фарси-йе дәри»¹⁸.

*

Диалекты Хорасана и Средней Азии в ранний период ислама были чрезвычайно близки между собой, и тем не менее в диалектах разных городов имелись иногда существенные особенности в произношении, лексике и грамматике. Отличались друг от друга и крестьянские наречия различных областей и районов. Об этом можно судить по довольно подробному описанию жителей Хорасана и Мавераннахра и их языков у путешественника и географа Мукаддаси в его известном сочинении «Ахсан ат-такасим...» (1985 г.)¹⁹. Мукаддаси отмечает различные особенности диалектов Нишабура, Туса, Нисы, Мерва, Буста, Балха, Бухары, Герата, Самарканда, причем интересно, что балхский диалект он называет «наилучшим» (behtārin), что, по видимому, отражает распространенное в X в. мнение о диалекте города Балха как

¹⁴ З. Сафа, История литературы в Иране, т. 1, стр. 140.

¹⁵ Подробнее о содержании цитат и языке, на котором они написаны, см. М. Бехар, Учение о стилях..., т. 1, стр. 19—26; Е. Э. Бертельс, Персидский — дари — таджикский.

¹⁶ М. Бехар, Учение о стилях..., т. 2, стр. 3.

¹⁷ З. Сафа, История литературы в Иране, т. 1, стр. 140.

¹⁸ См. об этом выше, стр. 120—121.

¹⁹ См. об этом «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 27.

о наиболее соответствующем литературному дари. Ценные описания Мукаддаси дополняют аль-Истахри и ибн Хаукаль; последний пишет, что «языком жителей Бухары является дари, и он похож на язык жителей Согды, однако некоторые слова в нем изменены»²⁰.

Все эти указания средневековых ученых и путешественников свидетельствуют о том, что сам язык дари был представлен рядом диалектов и наречий и что известный нам с конца IX в. литературно-письменный дари нельзя смешивать с дариjsкими диалектами, так как он базировался на одном из диалектов, по-видимому, на балхском или, если взять несколько шире, на восточнохорасанском диалекте языка дари. Все это — тема специального исследования. Надо сказать, что иранские ученые нечетко разграничивают понятия «разговорный язык», «диалект», «литературный язык», и проблема становления и развития литературного языка в историко-лингвистическом плане в их трудах почти совсем не затрагивается²¹.

Из всего сказанного выше можно предположительно принять два важных вывода относительно дари. Во-первых, дари как разговорный язык длительное время сосуществовал с южным пехлеви (области Пахле), а также со своим ближайшим соседом — согдийским языком. Во-вторых, язык дари, получив письменное применение и оформившись в качестве литературного языка, начал распространяться с востока на запад, север и юг Ирана, оттесняя модный в то время литературный и научный арабский язык и одержав полную победу над отмирающим южным пехлеви. Это победоносное движение литературного дари с востока на запад отражало борьбу восточных иранцев и таджиков против господства арабского халифата и представляло собой явление глубоко закономерное и прогрессивное.

В свете всего вышесказанного в настоящее время трудно признать состоятельной старую теорию движения персидского языка на восток и особенно ту часть теории, которая говорит об экспансии персидского языка на восток после введения и с л а м а. См., например, утверждения А. А. Фреймана о том, что «Завоевание арабами Ирана и Средней Азии в VII—VIII вв., уничтожив центральную Иранскую персидскую сасанидскую государственную власть, привело к парадоксальному на первый взгляд явлению — к дальнейшей экспансии персидского языка за пределы Иранского плоскогорья, в Среднюю Азию.Принявшая ислам городская интеллигенция, родным языком которой был персидский язык, помогла арабам в их дальнейшем продвижении в Среднюю Азию, в организации власти в ее ираноязычных

областях. Население последней, прежде всего ее городское население, принимая ислам, постепенно воспринимало персидский язык — язык своих соплеменников иранцев, пришедших с арабами в Среднюю Азию. Так постепенно утвердились там восточноперсидские, хорасанские говоры»²².

*

По вопросу о происхождении и дальнейшем развитии дари иранские ученые высказали ряд неверных положений. Язык дари, который, по их мнению, был распространен в столице Сасанидского государства, проник туда с Аршакидской эпохи вследствие господства восточного племени раг-зав, которое историк Табари называет фал-лэвиййан («пехлевийцы», «парфяне»). Что касается общего происхождения дари, то основой его, как заявляют многие иранские ученые, является язык Парфии, т. е. северный пехлеви. «Если доказано, — пишет З. Сафа, — что язык дари является языком жителей востока, особенно Хорасана и Мавераннахра, то необходимо будет принять и положение о том, что дари явился продолжением северно-пехлевийского, или ашканидско-пехлевийского языка, который с течением времени и в результате исторического развития и смешения с арабским языком принял ту форму, которую мы встречаем в произведениях III—IV вв. хиджры»²³.

Такое решение вопроса о происхождении дари не может удовлетворить иранское языкознание, так как вызывает прежде всего ряд серьезных возражений лингвистического характера. Нам представляется, что диалекты языка дари развились в эпоху Сасанидов (предположительно в IV—V вв. н. э.) из восточных или восточнохорасанских говоров среднеперсидского языка (южного пехлеви) в тесном взаимодействии с близкородственными парфянскими диалектами. В IX в. на базе одного из диалектов дари или группы этих диалектов в соответствующих политических условиях возник литературный дари (иначе — новоперсидский литературный язык) с его арабской письменностью. Невозможно предположить, что богатейший литературный язык Рудаки, Фирдоуси и других персидско-таджикских авторов оформился в качестве литературного языка после арабского нашествия на базе какого-то пришлого языка. При традиционном решении вопроса остается неясным, почему и каким образом персидский язык (дари) мог прийти в Хорасан и Среднюю Азию именно из Фарса после арабского нашествия. Где и когда в этом случае произошла трансформация среднеперсидского языка в новоперсидский (дари)? Каким образом население Хорасана и Мавераннахра, говорившее, согласно традиционной концепции, на парфянских, согдийских и других диалектах, в ко-

²⁰ Цит. по кн.: З. Сафа, История литературы в Иране, т. 4, стр. 139.

²¹ По вопросу об истории литературного дари см.: А. Н. Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка, ВЯ, 1955, № 5.

²² А. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 5, стр. 382.

²³ З. Сафа, История литературы в Иране, т. 1, стр. 140.

роткий срок после арабского нашествия «восприняло» пришлый персидский язык и создало уже в IX в. вполне развитый литературный язык персов и таджиков, который затем распространился на обширной территории Ирана, Средней Азии, Афганистана и т. д.²³ Все эти и им подобные вопросы неизбежно возникают при изучении генезиса дари. Для их разрешения требуется еще кропотливая работа иранистов.

Дальнейшая судьба дари в том виде, в каком она представлена в работах иранских ученых, вызывает особые возражения. Мы уже говорили о том, что становление и формирование литературного дари в историко-лингвистическом плане в трудах иранских ученых не находят должного отражения. Особенно искажено, на наш взгляд, представление себе иранские ученые соотношения понятий «язык дари» и «современный персидский язык».

Дари — это прежде всего тот литературный язык, который был распространен с конца IX в. до начала XVI в. на обширной территории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Северной Индии. На протяжении шести столетий дари развивался и совершенствовался, причем он подвергался обработке не только со стороны персов и таджиков, западных и восточных иранцев, но и со стороны некоторых представителей неираноязычных народностей. Интересно отметить, что литературный дари почти не проявлял признаков локальной дифференциации, особенно в поэзии и прозе. Дифференциация языка дари начинает обнаруживаться с

XVI в. и особенно позже, когда постепенно появляются предпосылки для формирования персидского и таджикского национальных языков, а также одного из государственных языков Афганистана.

По вопросу о дальнейшей судьбе дари М. Бехар стоит недалеко от устаревших и тенденциозных теорий буржуазных ученых о «среднеазиатской деформации» персидского языка, об «измененном» персидском языке в Таджикистане и т. д. Нельзя также согласиться с определением персидского языка, которое дает М. Бехар. Он пишет: «Персидский язык — это язык, на котором в настоящее время говорят, пишут и слагают стихи большинство жителей Ирана, Афганистана, Таджикистана, а частично — Индии, Туркестана, Кавказа и Бейноннахрейна»²⁴.

М. Бехар, по-видимому, считает, что персидским языком следуют именовать все современные языковые формы, образовавшиеся от дари. Этому определению явно не достаёт объективности и правильного понимания исторического процесса развития языков. В частности, проблема таджикского литературного языка, исторически восходящего к дари (как и современный персидский язык) и являющегося основным языком таджикской социалистической нации, совершенно не понята М. Бехаром.

Л. С. Пейсиков

²⁴ М. Бехар, Учение о стилях..., т. 1, стр. 2.